

ГЛАВА 18. ВТОРАЯ СЕРЬГА

И Цзян вовсе не горел желанием снова стать жертвой издевательств Сяо Бая во сне, а перспектива в очередной раз проснуться в холодном поту от кошмаров пугала ещё сильнее. В итоге он до самого рассвета просидел над шахматной доской, разбирая партии, а наутро отправился на занятия с такими тёмными кругами под глазами, что Хэ Хунчжи не упустил случая вволю над ним посмеяться.

В первой половине дня была всего одна лекция. Как только она закончилась, И Цзян помчался в библиотеку. Помог немного с расстановкой книг, а когда заметил, что старина У и ещё один администратор чаёвничают в подсобке, тут же пристроился к ним.

— О, Сяо Цзян, чего так рано сегодня? — У приветливо махнул рукой, приглашая его присесть.

— Да второй пары нет, вот и решил заглянуть, заодно партию одну подыскать.

Старик У внимательно всмотрелся в лицо парня:

— Что, ночью опять не спалось?

— Ну... есть немного...

— Оно и понятно, — старик сам поднял тему, избавив И Цзяна от необходимости подбирать слова. — Столько событий за два дня. Вчера ты вообще оказался в самой гуще, а потом этот Линь Цзэ тебя ещё полчаса допрашивал.

— Что с той девушкой? — поспешно перебил И Цзян.

— Отправили в городскую больницу, — вздохнул У. — А этот Линь Цзэ... расставил своих людей по всей библиотеке, рыщут тут. Если бы так преступников ловили, я бы сам уже в полицию пошёл работать.

— Студенты болтают, — таинственным шёпотом вмешался второй администратор, — дескать, это всё призрак того парня, что в прошлом году здесь погиб. И знаете, очень на то похоже...

— Опять ты за своё, — старик У сердито зыркнул на коллегу. — Прошлого года дела. Если бы кто и хотел мстить, начал бы раньше. С чего вдруг сейчас-то?

И Цзян мгновенно напрягся:

— А что случилось в прошлом году?

— Двое спрыгнули с крыши, самоубийцы, — ответил старик У. — После этого администрация велела запереть выход на террасу наглухо.

— Самоубийцы?

— Первый случай был вовсе не самоубийством, — поправил коллега. — Ту беднягу столкнули, даже перила на крыше не выдержали, сломались.

Сердце И Цзяна пропустило удар. Он попросил рассказать подробнее.

— Дело было в пятницу вечером, — начал администратор. — По пятницам после обеда здесь почти никого, а в субботу утром и подавно. Только к полудню какой-то студент, проходивший мимо, вызвал полицию. Сказал, что под окном десятого этажа кто-то болтается. Приехала школьная охрана, позвали меня открыть двери... Жуткое было зрелище. Девушка зацепилась шеей за стальной крюк на сломанных перилах. Так и висела над бездной. И руки... все руки были изрезаны в лоскуты. А теперь вот опять — девчонкам руки режут. Вот в универе и шепчутся, что это её дух вернулся.

Как в его сне! Кровь застыла в жилах И Цзяна, ладони мгновенно стали ледяными. И Цзян побледнел. У, заметив это, шикнул на сослуживца:

— Хватит страшилки рассказывать! Больше года прошло. Первокурсники и второй курс об этом ни сном ни духом, а старшаки только и делают, что приукрашивают байки.

— Да я своими глазами видел! — не унимался тот. — Смерть была лютая, такое не забывается. Неупокоенная душа, точно говорю. Это дело до сих пор «глухарём» висит. Линь Цзэ, когда его только перевели к нам, пытался за него взяться, всё архивы рыл. И что? Пшик. Ничего не нашёл.

— А второй? — голос И Цзяна дрогнул. — Вы сказали, двое прыгнули.

— Второй — да, сам. Записку оставил, мол, давление учёбы и всё такое. Но вот ведь совпадение: сиганул ровно в том же месте, где та бедняжка висела. Тут-то все и решили, что библиотека проклята. Директор тогда и приказал замок на дверь повесить.

— Но я не видел на террасе сломанных перил, — заметил И Цзян.

— Ты что, поднимался туда?

— Пару дней назад, когда директор нас угощал, я уходил последним. Услышал, как наверху хлопнула дверь, вот и решил проверить.

— Точно, директор же говорил, замок надо сменить, — администратор хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело. А перила... Сразу после того случая всё заменили. Теперь там эти толстые трубы из нержавеющей стали, а раньше была тонкая кованая решётка, хлипкая совсем.

Сказав это, администратор засобирился в торговый ряд за новым замком. И Цзян напоследок спросил имя той девушки, но старик уже не помнил точно.

Оставшись один, И Цзян поднялся на девятый этаж. Он не знал, в какой именно секции видел следы крови в своём сне, поэтому методично обходил один зал за другим. Прошло больше года — конечно, всё давно отмыли. Глупо было надеяться что-то найти.

Однако, поравнявшись с очередным окном, он замер. Шестое чувство заставило его присмотреться. словно в трансе, он открыл створку и впился взглядом в чистую белую плитку на подоконнике. На поверхности — ни пятнышка, но там, где плитки стыковались друг с другом, серый цементный шов казался чуть темнее, чем везде.

И Цзян ковырнул шов пальцем. Лишь щепотка старой пыли, ничего больше. Но в ту же секунду откуда-то сверху дунул резкий ледяной сквозняк, и на щеку И Цзяна упала тяжёлая, едва тёплая капля.

Оцепенение сковало тело. Как и в том кошмаре, он медленно, с нечеловеческим усилием заставил себя поднять голову.

Там, прямо над ним, из облака белого шёлка по ветру мерно раскачивались босые ступни, с которых густо текла алая кровь.

— А-а-а-а!!!

Дикий крик разорвал тишину библиотеки. И Цзян отшатнулся и рухнул на пол, обливаясь холодным потом. Он пытался вскочить, но ноги не слушались — он лишь по-пластуньи, словно калека, отполз к стеллажам и забился в угол между книгами, хрипло и часто дыша.

Дверь в зал с грохотом распахнулась. Прибежавшим на крик оказался Цинь Чжэн.

— И Цзян?! — Сяо Чжэн оторопел, подскочил к нему и рывком поднял на ноги. — Ты чего? Лицо белое как у покойника. Фу, руки в поту, мерзость какая.

Он брезгливо вытер ладони об одежду И Цзяна и нахмурился:

— Что стряслось? Я думал, тут опять кому-то руки режут.

И Цзян лишь трясся всем телом, указывая на окно и не в силах вымолвить ни слова. Цинь Чжэн

глянул в ту сторону, припомнил рассказ друга о втором сне и решительно подошёл к подоконнику, заглядывая наверх.

— Да нет там ничего, — отрезал он. — Глюки у тебя, что ли?

Галлюцинация? И Цзян дрожащей рукой коснулся лица — никакой крови, которую он чувствовал секунду назад. Только тогда он смог немного выдохнуть и бессильно осел на стул.

— И надо же быть таким трусом, — с нескрываемым презрением бросил Цинь Чжэн. — Настоящих духов в глаза не видел, а довёл себя до истерики. Как нам на тебя полагаться?

— Не надо... не надо на меня полагаться, — заикаясь, пробормотал И Цзян. — Я не хочу иметь ничего общего с этой чертовщиной... Я обычный человек. Мне страшно. Я просто хочу играть в шахматы...

— А ну соберись, тряпка! — рявкнул Цинь Чжэн. — Думаешь, мы все по своей воле такими стали?

— Сяо Чжэн...

— Пока ты не видишь их сам, всё это кажется развлекательным шоу по телевизору. Но теперь, когда ты столкнулся с этим лицом к лицу, ты и дальше будешь делать вид, что ничего не происходит? Почему, по-твоему, тебе приснился тот сон? Думаешь, просто потому, что ты коснулся «медиума»? Да она показала тебе самые страшные минуты своей жизни, потому что надеется на тебя!

— Надеется?

— Она надеется, что кто-то вырвет её из этого вечного кошмара! — Цинь Чжэн скрестил руки на груди. — Девушки хотят быть красивыми, никто не пожелает, чтобы его видели в таком ужасном виде перед смертью. Я встречал женских духов — даже зная, что они мертвы, они пытаются прикрыть свои раны, стесняются уродства. А эта девочка, наплевав на всё, показала тебе самое жуткое. Думаешь, чтобы напугать? Нет! Она молит о спасении! О том, чтобы убийцу нашли и наказали, чтобы её душа наконец смогла покинуть этот мир, в котором она заперта! Она вверила свою судьбу тебе, а ты собираешься трусливо сбежать?

И в самом деле... разве она хотела, чтобы её запомнили такой? И Цзян вспомнил: в его сне из сумочки, открытой убийцей, выпали пудреница, зеркальце, ножницы для бровей. Даже под ножом она твердила одно: не трогай руки, мне ещё играть. Её платье было ослепительно белым — она явно берегла его, не давая ни пылинке осесть на ткань. Могла ли она желать, чтобы оно пропиталось кровью?

— Прости...

Те руки... белые, тонкие, словно выточенные из нефрита. Девушка-музыкант, она наверняка дорожила ими больше жизни. А убийца, прекрасно это зная, искромсал их, оставив её висеть у всех на виду, превратив красоту в кошмар.

Каково ей было? Столько обиды и невыразимой боли... Поэтому она и пришла к нему. А он, испугавшись дурного сна, забился в щель, боясь даже взглянуть в её сторону. Какое же разочарование она, должно быть, испытала, встретив такого труса.

И Цзян подошёл к окну и поднял глаза к небу. Ранняя осень была ослепительно синей, по небу плыли редкие белые облака, так похожие на подол платья, трепещущий на ветру.

Тёплая капля скатилась по щеке — на этот раз это была слеза самого И Цзяна. Сердце сжалось от невыносимой тоски. Он смотрел, как слеза сорвалась с ресниц и полетела вниз, на мгновение вспыхнув в солнечных лучах яркой искрой.

Искра?

И Цзян внезапно развернулся и бросился прочь из зала. Цинь Чжэн, решив, что парень от отчаяния задумал прыгнуть, рванул следом. В дверях они едва не сшибли Фудзивару. Беспольный дядька только охнул, но И Цзян, не оборачиваясь, уже летел вниз по лестнице.

— А? Ю?! Сяо Чжэн?! Эй, вы куда?!

Учителю Фудзиваре ничего не оставалось, как припустить за ними. Путь их лежал к живой изгороди прямо под тем самым злополучным окном. И Цзян, сверившись с расположением пролётов, нырнул прямо в колючие кусты, лихорадочно что-то ища в земле.

— Да что с тобой?! Что ты ищешь?! — запыхавшийся Цинь Чжэн подбежал к кустам. — Я думал, ты топиться пошёл!

— Ну и ну, этот пацан окончательно свихнулся? — подоспел Фудзивара. — Средь бела дня землю рыть надумал?

— Там была вещь... свет... — бессвязно бормотал И Цзян, разгребая грязь и опавшие листья. — Когда она падала... на ней что-то было... оно упало вместе с ней... Я видел... маленькая искорка...

Учитель Фудзивара окончательно запутался, а вот Цинь Чжэн сразу понял, к чему клонит друг.

— Послушай! Даже если там что-то и упало, это было больше года назад! Столько времени прошло, как тут что-то найдёшь...

— Нашёл!

— Чего?!

И Цзян, весь в грязи и ветках, вылез из кустов. В руке он сжимал небольшой предмет. Цинь Чжэн взял его: это была серьга с креплением-каффом. Подвеска в форме кристалльной капли, хоть и покрытая слоем земли, ярко сверкнула на солнце.

— Я вспомнил... В ту ночь на террасе... я нашёл точно такую же...

Он вспомнил, что сунул находку в карман джинсов, и принялся лихорадочно ощупывать себя.

— Это её вещь? — спросил Цинь Чжэн. — Значит, это и есть наш «медиум»?

— Да... Теперь я понимаю... кошмары начались именно после того, как я подобрал ту серьгу!

И Цзян обшарил все карманы, и тут его осенило: позавчера он закинул эти джинсы в стирку. Вся компания помчалась в общежитие. Брюки уже высохли и мирно висели на балконе, но карманы были пусты.

Цинь Чжэн подошёл к стиральной машине в углу балкона, заглянул внутрь и выудил со дна какой-то предмет.

— Эта?

— Она! — И Цзян схватил вторую серьгу. Две абсолютно одинаковые хрустальные капли.

— Теперь комплект. Эм... а как ты узнал, что она в машине?

Цинь Чжэн указал на свои глаза:

— Когда был у тебя в прошлый раз, почувствовал, что от стиралки веет чем-то странным. Мои способности «духовного зрения» и «духовного восприятия» не так сильны, но иногда и от них есть толк.

— Так почему ты сразу не сказал?! — вскричал И Цзян. — Столько мороки бы избежали!

— Хм, тогда было бы не так весело.

—... Ты ещё что-нибудь видишь? Её дух привязан к ним?

— С чего бы это? — фыркнул Цинь Чжэн. — Я попросил Дядьку продолжить поиски подозрительных сущностей в библиотеке. А раз ты уже не при смерти, не хочешь заняться «расследованием»?

— Расследованием?

— Кое-что прояснилось, — Цинь Чжэн достал смартфон, нажал пару кнопок и протянул И Цзяну. — Четверокурсники кое-что помнят. Мне прислали фото выпуска отделения пипы за тот год.

И Цзян увеличил снимок. Групповое фото после концерта в большом зале: девушки в изумрудных костюмах, сжимающие в руках инструменты, улыбаются в свете софитов. Его взгляд мгновенно замер на девушке в крайнем правом ряду второго ряда. Каштановые волосы до плеч, две пряди перехвачены серебристыми лентами. Её лицо, чуть подкрашенное для сцены, почти не отличалось от того, что он видел во сне, разве что здесь она была ослепительно живой и прекрасной.

— Это она! — воскликнул И Цзян, указывая на фото. — Сяо Чжэн! Это она...

— Тише ты, не ори, — Цинь Чжэн перелистнул экран. — А это, судя по всему, тоже она?

И Цзян едва не выронил телефон. На следующем фото та же красавица лежала на грязном бетоне. Белое платье запятнано засохшей кровью, лицо — бледная маска с застывшим выражением нечеловеческого ужаса. В её огромных глазах, пугающе вывернутых вверх, казалось, до сих пор читались предсмертная ненависть и мольба.

<http://bllate.org/book/17421/1658009>